

Крестоносцы

Книга вторая

Генрик Сенкевич

КРЕСТОНОСЦЫ

КНИГА ВТОРАЯ

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

Перевод с польского Е. Егоровой

Сенкевич, Г.

Крестоносцы. Книга вторая: Роман / Г. Сенкевич; [пер. с польск. Е. Егорова]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 604 с.

ISBN 978-5-521-74737-5

Польский писатель Генрик Сенкевич и его один из самых известных исторических романов «Крестоносцы», посвященный истории правления польского короля Ягайлы и времени объединения Польского государства, расколотого на сотни мелких враждующих друг с другом княжеств. Во второй книге продолжается история польского рыцарства и его участие в главной схватке войска польского против Тевтонского ордена крестоносцев – в Грюнвальдской битве.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(2)
BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74737-5

© Т8 RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020
© Перевод, Е. М. Егорова,
наследники, 2020

I

Очутившись во дворе замка, Юранд не знал сперва, куда идти, так как кнехт проводил его через ворота, а сам направился к конюшням. У стены стояли кучками и поодиночке солдаты; но лица у них были такие наглые и смотрели они с такой насмешкой, что нетрудно было догадаться, что они не укажут ему дороги, и если и ответят на вопрос, то разве только грубостью или оскорблением.

Некоторые из них, смеясь, показывали на него пальцами; другие, как и вчера, снова стали бросать в него снегом. Заметив большую дверь, над которой было высечено в камне распятие, Юранд направился к ней, полагая, что если комтур и старшие братья находятся в другой части замка или в других покоях, то кто-нибудь должен сказать ему, как к ним пройти.

Так оно и случилось. Когда Юранд подошел к этой двери, обе створки ее внезапно распахнулись и перед ним предстал юноша с выбритой, как у ксендза, макушкой, но в светской одежде.

— Господин, это вы Юранд из Спыхова? — спросил он.

— Я.

— Благочестивый комтур велел мне проводить вас. Следуйте за мной.

И он повел рыцаря через просторные сводчатые сени к лестнице. Перед лестницей он остановился и, окинув Юранда глазами, снова спросил:

— При вас нет никакого оружия? Мне велено вас обыскать.

Юранд поднял вверх руки, чтобы провожатому легче было его осмотреть, и ответил:

— Вчера я отдал все.

Понизив голос, провожатый произнес шепотом:

— Тогда берегитесь, не давайте воли гневу, ибо вы в их власти.

— Но и во власти Всевышнего, — возразил Юранд.

Он устремил на провожатого пристальный взгляд и, уловив в его лице сочувствие и сожаление, проговорил:

— Я вижу по глазам, что ты хороший человек. Скажешь ли ты мне всю правду?

— Не мешкайте, — поторопил его провожатый.

— Отпустят ли они мою дочь, если я отдамся им?

Юноша в изумлении поднял брови.

— Так это здесь ваша дочь?

— Да, моя дочь.

— В башне у ворот?

— Да. Они пообещали мне отпустить ее, если я отдамся на милость их.

Повожатый сделал движение рукой, точно желая сказать, что он ничего не знает, но на лице его изобразились недоумение и тревога.

— Правда ли, — спросил его Юранд, — что ее стерегут Шомберг и Маркварт?

— Этих братьев нет в замке. Но возьмите ее отсюда, пока не выздоровел комтур Данфельд.

Юранд затрепетал при этих словах; однако он ни о чем уже больше не мог спрашивать юношу, так как они дошли до зала на втором этаже, где рыцарь должен был предстать перед лицом шитненского комтура. Слуга отворил ему дверь, а сам вышел на лестницу.

Рыцарь из Спыхова вошел в просторную, очень темную комнату; стеклянные, оправленные в свинец шарики пропускали мало света, а день был зимний, хмурый. В другом конце комнаты горел огонь в большом камине; но сырые дрова давали мало пламени. Спустя некоторое время, когда глаза его привыкли к полумраку, Юранд увидел в глубине комнаты стол, за которым сидели рыцари, а позади них целую толпу вооруженных оруженосцев и кнехтов и среди них замкового шута, державшего на цепи ручного медведя.

Когда-то Юранд бился с Данфельдом на поединке, потом дважды видел его при дворе мазовецкого князя, куда тот приезжал в качестве посла; с того времени прошло уже несколько лет, но даже в полумраке старый рыцарь тотчас признал его лицо и тучную фигуру, да и за столом комтур восседал посредине, в кресле, опираясь на подлокотник рукой в деревянном лубке. Справа от

него сидел старый Зигфрид де Лёве из Янсборка, лютый враг всего польского племени, а Юранда из Спыхова в особенности, слева — младшие братья Готфрид и Ротгер. Данфельд нарочно пригласил их, чтобы они поглядели на его торжество над грозным врагом и насладились с ним плодами предательства, которое они вместе замыслили и совершили. Облаченные в мягкие одежды из темного сукна, с легкими мечами на боку, они сидели, удобно развалясь в креслах, веселые и самоуверенные, и взирали на Юранда с той надменностью и с тем безмерным пренебрежением, с каким всегда взирали на слабых и побежденных.

Они долго молчали, желая натешиться зрелищем мужа, которого раньше боялись и который стоял теперь перед ними, поникнув головою, облаченный в покаянное вретисце, с веревкой на шее, на которой висели ножны меча.

Им хотелось, чтобы побольше народу видело его унижение; верно, поэтому из боковых дверей, ведущих в другие комнаты, все входили вооруженные люди, так что зал до половины наполнился уже народом. Громко разговаривая и перебрасываясь замечаниями на его счет, все с нескрываемым любопытством смотрели на старого рыцаря. При виде этой толпы Юранд приободрился. «Если бы Данфельд, — подумалось ему, — не пожелал сдержать свои обещания, он не назвал бы столько свидетелей».

Тем временем Данфельд мановением руки призвал всех к спокойствию, а затем дал знак одному из оруженосцев; подойдя к Юранду и схватившись

за веревку, висевшую на его шее, тот подтащил рыцаря на несколько шагов ближе к столу.

Данфельд обвел всех торжествующим взглядом.

— Смотрите, — сказал он, — как могущество ордена побеждает злобу и гордыню.

— Дай Бог, чтобы всегда так было! — ответили хором присутствующие.

На минуту снова воцарилось молчание, затем Данфельд обратился к пленнику:

— Как бешеный пес, кусал ты орден, и потому Бог дал, что, как пес, ты стоишь перед нами с веревкой на шее и ждешь от нас милости и пощады.

— Не равняй меня с псом, комтур, — ответил ему Юранд, — ибо ты умаляешь честь тех, кто бился со мною и погиб от моей руки.

Ропот пробежал по толпе вооруженных немцев; трудно, однако, было сказать, разгневала ли их смелость ответа или поразила его справедливость.

Но комтуру не понравился такой оборот разговора.

— Смотрите, — воскликнул он, — обуянный кичливостью и гордыней, он еще плюет нам в глаза!

А Юранд воздел руки, как бы призывая небо в свидетели, и ответил, качая головой:

— Бог видит, что моя гордыня осталась за воротами замка. Бог видит и рассудит, не опозорили ли вы сами себя, позоря мое рыцарское достоинство, ибо одна у нас честь, и блюсти ее должен всякий опоясанный рыцарь.

Данфельд нахмурился, но в эту минуту замковый шут закричал, лязгая цепью, на которой он держал медведя:

— Проповедь, проповедь! Из Мазовии проповедник явился! Слушайте проповедь!

Затем он обратился к Данфельду:

— Господин! Граф Розенгейм, когда звонарь своим звоном слишком рано разбудил его к проповеди, велел ему съесть от узла до узла всю веревку колокола; у этого проповедника тоже веревка на шее, велите ему съесть ее, пока он кончит проповедь.

И шут с беспокойством воззрился на комтура, не зная, засмеется ли тот или прикажет высечь его за то, что он некстати вмешался в разговор. Но крестоносцы, учтивые, кроткие, даже смиренные, когда они чувствовали свою слабость, не знали никакой жалости к побежденным. Данфельд не только кивнул скомороху, разрешая ему продолжать потеху, но и сам позволил себе столь неслыханную грубость, что на лицах некоторых молодых оруженосцев изобразилось изумление.

— Не жалуйся, что тебя опозорили, — сказал он. — Если я даже на псарню тебя пошлю, то псарем ордена лучше быть, чем вашим рыцарем.

А осмелевший шут закричал:

— Принеси скребницу да почисти моего медведя, а он тебе космы лапой расчесет.

Там и тут раздался смех, чей-то голос крикнул из толпы:

— Летом будешь камыш косить на озере.

— И раков ловить на падаль, — закричал другой.

— А сейчас, — прибавил третий, — ступай отгонять воронье от висельников. Хватит тут тебе работы.